

чи то ж примхи і примхливі оповідання люду українського” [6], вперше надрукований 1958 р., де яскраво відбито живе народне мовлення. Серед народних висловів, записаних І. Франком у різних говірках і вміщених у праці “Галицько-руські народні приповідки”, знаходимо зафіксовані на території Західного Поділля, зокрема в Борщівському, Гусятинському, Чортківському та Кам’янецькому повітах.

Отже, актуальним вважаємо укладання фразеологічного словника на основі текстів усного діалектного мовлення, де найповніше розкривається природа фразеологізмів.

Список використаних джерел

1. Коваленко, Н. Д. Слова з язика, як бджоли з вулика. Матеріали до словника народних порівнянь подільських і волинських говірок Хмельниччини / Н. Д. Коваленко. – Кам’янець-Подільський, 2010. – 150 с.
2. Коваленко, Н. Д. Фразеологічний словник подільських і суміжних говірок / Н. Д. Коваленко. – Кам’янець-Подільський : ТОВ «Рута», 2019. – 412 с.
3. Приказки, прислів’я, і таке інше / уклад М. Номис. – Київ, 1993. – 768 с.
4. Грінченко, Б. Д. Словарь української мови / Б. Д. Грінченко. – Київ : Лексикон, 1996. –Т. 1–4.
5. Быть подолянъ издаваемъ К. Шейковскимъ. – Киев, 1860. – Вып. 2. – Т. I.
6. Свидницький, А. П. Фольклорно-етнографічні нариси та статті // Роман. Оповідання. Нариси / А. П. Свидницький. – Київ : Наукова думка, 1985. – С. 406–512.
7. Галицько-руські народні приповідки / Зібрав, упорядкував і пояснив Іван Франко. – Львів, 1901–1910. – Т. 1–3.

The article gives an overview of phraseological dictionaries of modern Ukrainian dialect. On the example of the materials of “Phraseological Dictionary of Podillia and related dialects” it is shown that the phraseological system of Ukrainian dialects is characterized by variations of lexical components, preservation of dialect nominations and grammatical features of dialects.

Keywords: phraseological dictionary, dialect, phrase, dialect speech.

УДК 811.161.1’42:398.91

В. И. Коваль

ПАРЕМИЯ МЫШИ КОТА ПОГРЕБАЮТ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

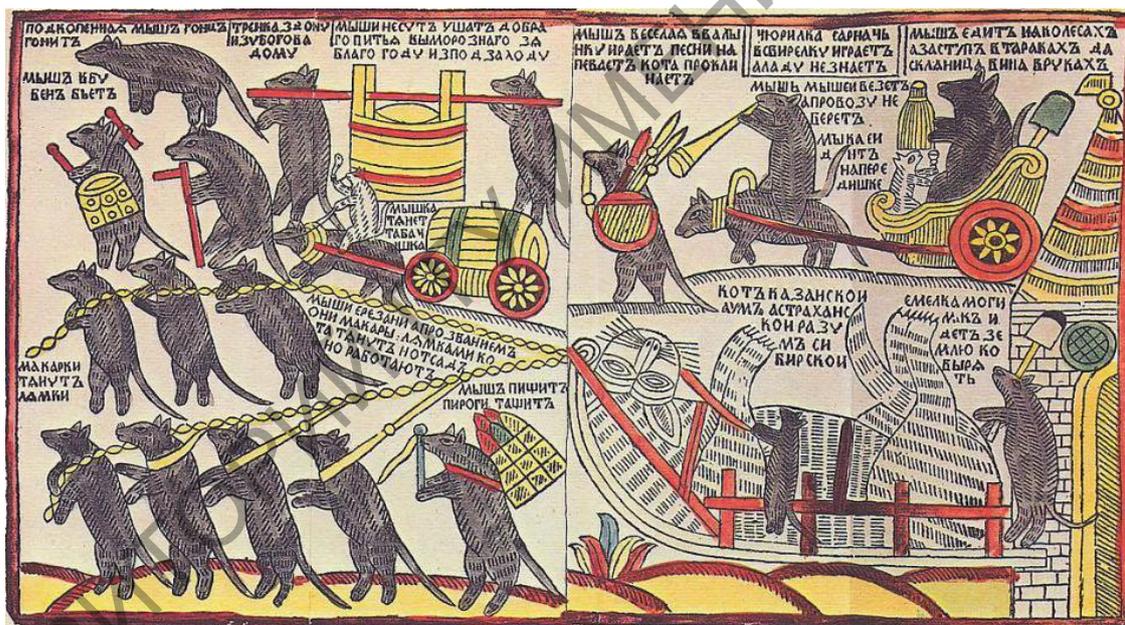
Происхождение поговорки «Мыши кота погребают», имеющей значение ‘притворная печаль’, рассматривается с учетом символики одноименной лубочной картинке, опирающейся на общеевропейскую традицию и отражающей смеховую культуру России XVIII века. Приводятся примеры текстового воплощения ранее популярного фольклорного мотива.

Ключевые слова: лубочные картинке, кот, мыши, пародии, смеховая культура, функционирование поговорки.

Лубочная картинка «Мыши кота хоронят (погребают)», возникновение которой относят к началу XVIII века, была весьма популярным предметом интерьера, о чем можно судить по следующему фрагменту повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (первое знакомство Гриневы с домом Мироновых): *Я вошел в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинке, представляющие взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота.* Аналогично (едва ли не «с оглядкой» на пушкинский текст) этот атрибут внутреннего убранства комнаты упоминается и в историческом ро-

мане И. М. Лажечникова «Ледяной дом»: *Чрез лабиринт коридоров вошли они в чистую комнату со сводами. Постель, напыщенная и вздутая, как толстая купчиха, с двумя пирамидами подушек, китайский фарфор в шкапе за стеклом, картина великого мастера в золотой раме, и рядом с нею лубочные эстампы с изображением, как мыши kota погребают.*

Современным исследователям известны четыре редакции гравюры, на которой kota, лежащего на спине со связанными лапами на санях (на телеге), везут хоронить мыши. Над котом в более поздних редакциях лубка имеется надпись: *Кот Казанский, а ум Астраханский, разум Сибирский*. Изображения мышей, число которых в разных вариантах картины колеблется от 21 до 66, сопровождаются забавными надписями, изобилующими разговорно-сниженной лексикой: *Знатныя подпольныя мыши крыночныя блудницы напоследок коту послужили на чухонския дроги, связав лапы, положили, хотяг печаль утолить, а kota в говённой яме утопить; На дорогах сидит кучер из навозныя кучи; Искусная мышка из Немецкой лавки, взявши свирель в лапки, умильно играет, kota проклинает; Деревенская мышь Сарпа в свирелку играет, а ладу не знает; Мышь из Рязани в синем сарафане, идучи так горько плачет, а сама в присядку скачет; Мышь несет склянницу вина, а другая закуску полтора блина; Мышь заткнула за пояс тряпицу, а сама поигрывает в скрипичу; Мышь курбата несёт лопаты яму копати; Коломенска мышь гонком на санях везет рогожи коту на саван; Мышь пищит, пироги тащит; Мышь Цыганка несет покрывь kota циновку; Мышь Барбошка несет рогожку; Мышь с Арбата очень горбата, велит собрать тарелки и подносить горелки; Мышонок ушибено рыло несет жареной рыбы; Мышь палёна несет ядро калёно пиво разогреть; Мышь идёт невесела объелась киселя и др. [1].*

Приведенные сведения указывают на пародийно-шуточное содержание лубка: сопровождающие «похоронную процессию» мыши выражают скорбь лишь внешне и потому фальшиво; внутренне же они, естественно, торжествуют, участвуя в погребении своего вечного врага. Закономерно поэтому, что в словаре М. И. Михельсона «Ходячие и меткие слова» (СПб., 1896) устойчивое словосочетание *Мыши kota погребают* трактуется как «плач ханжи; притворная печаль» [2, с. 218].

Очевидный карнавальский, сатирический характер лубочной картинке «Мыши kota погребают» изначально дал основание историкам русской культуры и художественным критикам XIX века (И. М. Снегиреву, Д. А. Ровинскому, В. В. Стасову и др.) характеризовать ее как пародийное изображение похорон Петра Первого, как реакцию противников петровских реформ на преобразовательскую деятельность первого российского императора. Так, В. В. Стасов полагал, что гравюра представляет собой «обвинительный акт против Петра I,

обвинительный акт его деяний государственных и исторических» и что нет «никакой возможности сомневаться в том, что настоящая картинка – политическая карикатура на Петра Великого» [3, с. 423].

Обосновывая свое несогласие с этой точкой зрения, М. А. Алексеева подчеркивает прежде всего древность и «интернациональный» характер мотива противостояния kota и мышей: «Тема «Кот и мыши» – одна из самых древних и распространенных в животном эпосе. Одна из ее трансформаций – «Война мышей и кошек» – известна в рисунках на египетском папирусе XIV в. до н. э., в византийской драме середины XII в., в европейском искусстве XII–XVIII вв.» [4, с. 65]. Важно при этом учитывать, что для петровской эпохи (как и для русской культуры XVIII века в целом) было характерно обращение к пародийности и шутовству: «Великий преобразователь России, поборник наук, просвещения и светского искусства в своих смеховых затеях во многом оставался на позициях средневековья. Приемы глумливой сатиры, кошунного веселья, шутовской пародии, получившие распространение в русской культуре XVII в., продолжают жить в петровское время. Рядом с ассамблеями на западноевропейский «манер» разыгрываются шутовские свадьбы, буйные процессии проносятся по улицам, ряженые и скоморохи вместе с царем разъезжают в санях, запряженных свиньями, козами, медведями, разыгрываются сцены, отзвуки которых предстают перед нами в картинках «Коза и медведь», «Фарное на свинье», «Баба-яга и крокодил» и других [4, с. 75]. Далее исследователь делает закономерный вывод о естественной, органичной связи рассматриваемого лубочного сюжета со смеховой культурой России того времени: «Среда, где родилась и жила смехотворная притча о погребении kota мышами, не имеет ничего общего ни с идеологией раскольников, ни с легендой о Петре-антихристе. Мир потешных картинок конца XVII – начала XVIII в. близок миру забавных пословиц и присловиц, миру баснословия и глумления, пародии и фарса. Характер их смеха, балагурного с оттенком непристойности, смеха-несоответствия отвечает внутренней природе русской смеховой культуры и русского народного искусства, надолго сохранившего философские и эстетические связи со средневековьем» [4, с. 79].

Выражение *Мыши kota погребают*, по данным портала «Уроки русского онлайн», употребляется также в значении 'о картине дурной работы' [5], что косвенно может указывать на негативное отношение дореволюционных российских властей и церкви к содержанию рассматриваемой лубочной картинке, в которой продолжали видеть скрытый намек на похороны Петра I. Сравн. при этом следующий контекст, в котором обыгрывается фразеологизм *игра в кошки-мышки*: *А мне иначе поступить нельзя, тут ведь не игра в мышки и кошки, – сказал я громко. К. оглянулся и злобно и иронически сказал: – Смотрите, плохая игра мышам с большим котом. – Не всегда: каковы ведь мыши, Артемий Матвеевич. А я так думаю, что недаром же на Руси существует картина, как «мыши kota хоронят». – Да, она запрещена законом. – Только не общим Российской империи, а полицейскими мироедами из своих видов и выгод [А. А. Черкасов. Кара (1883–1887)] (выделено нами. – В. К.).*

В свое время В. А. Жуковский написал сказку «Как мыши kota хоронили», которая может служить текстовым воплощением рассматриваемой лубочной картины. Главный герой сказки – «хитрый котище Федот Мурлыка» – ловко обманул всех своих врагов во главе с Царицей Прасковьей и крысой Онуфрием Премудрым: притворившись мертвым (повешенным) и дождавшись, когда на его поминки соберутся все обитатели подполья, Мурлыка «оживает» и уничтожает множество мышей: «Вдруг наш покойник очнулся. Мы – бежать... Куда там! Пошла ужасная травля. Двадцать нас осталось на месте, а раненых втрое более было» [6].

Сказочный сюжет в изложении В. А. Жуковского (образ притворившегося мертвым kota) нашел неожиданное воплощение и переработку в российской политической сатире начала XX века. Речь идет о рисунке, сделанном соратником и учеником В. И. Ленина П. Н. Лепешинским в 1903 году после публикации Мартовым – одним из лидеров меньшевиков – статьи «Вместо надгробного слова», в которой он давал негативную оценку работе Ленина «Шаг вперед, два шага назад». Карикатура сопровождается следующими

комментариями самого автора: «На первой части рисунка изображен Ленин с туловищем кота, повисшего на собственной лапке. Вокруг рассыпаны радостно взволнованные мыши (с головами Мартова, Троцкого, Дана, Старовера, Аксельрода, Веры Засулич, Инны Смидович), а во главе их премудрая крыса Онуфрий – Плеханов, появившийся на торжество и сидящий в окне». Во второй части карикатуры – «Лежащий на полу “труп” кота. Вокруг него – оргия шумного ликования. Плеханов с Троцким, обхвативши друг друга лапками, откалывают канкан под игру Дана в дудку. Мартов с “Надгробным словом” расположился на брюхе у кота». В третьей – финальной – части наступает трагическая для грызунов развязка: «Но только успел Мартов последнее слово промолвить, как вдруг наш покойник очнулся. Мы брысь – врассыпную... Куда ты! Пошла тут ужасная травля. Тот бойкий мышонок, что с крысой старой откалывал вместе канкан, домой без хвоста воротился. Несчастная ж крыса Онуфрий свой хвост прищемил. Его ж закадычный приятель успел прошептать лишь “Я это предвидел” и тут же свой дух испустил» [7, с. 198–200].

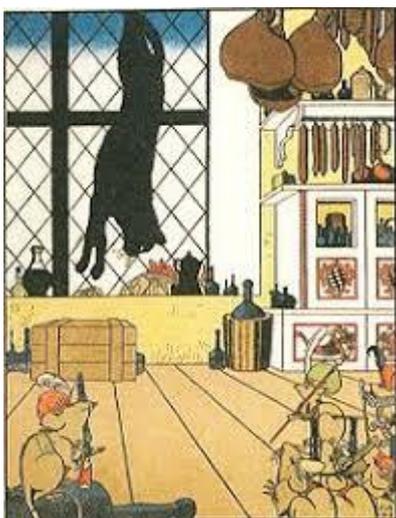

Рисунок Г. Нарбуто к сказке
В.А. Жуковского

Карикатура П.Н. Лепешинского

Таково же содержание стихотворения О. Андреева «Как мыши кота хоронили»: состарившегося кота Ваську, который почти двадцать лет ловил мышей и крыс, хозяин выгнал из дому, и обиженный кот решает умереть в отместку за человеческую неблагодарность: *Наконец решил: «Помру! / Хоть и жалко самому. / Пусть увидят эти мыши, / Что скончался враг их рыжий. / Может быть, тогда смелей / Станет жить им у людей. / Это будет людям мсть. / Я помру той мести в честь!»* И, придумав этот номер, / Васька лёг и вправду помер. Мыши решили похоронить кота, для чего его притащили в «гробовозе» на кладбище и приготовились сбросить в вырытую могилу, но в этот момент кот ожил и расправился с мышами и крысами: *Будто и не помирал, / Васька встал... и начал бал! / Мыши падают рядами, / Крысы валятся снопами; / Точно демон, этот кот / Бьёт налево, вправо бьёт, / И в могилу эту саму / Всех скидав, наполнил яму! / Так из плена нищеты / В мир достатка и мечты / Вырвался / Василий-кот / И доньне в нём живёт* [8].

Приведенный материал дает наглядное (хоть и неполное) представление о происхождении опирающейся на популярный сюжет и культурную традицию паремии *Мыши кота хоронят*, которая продолжает функционирование в текстах разного типа.

Список использованных источников

1. Как мыши кота хоронили [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://commons.wikimedia.org/wiki>. – Дата доступа : 29.10.2019.

2. Михельсон, М. И. Ходячие и меткие слова. Второе пересмотренное и значительно пополненное издание / М. И. Михельсон. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1896. – 598 с.
3. Стасов, В. В. Лубочные картинки «Баба-яга» и «Мыши kota погребают» / В. В. Стасов // Известия Императорского Археологического общества. – СПб., 1861. – Т. 3. – Вып. 5. – С. 422–423.
4. Алексеева, М. А. Гравюра на дереве «Мыши kota на погост волокут» – памятник русского народного творчества конца XVII – начала XVIII в. / М. А. Алексеева // Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. – С. 45–79.
5. Уроки русского языка онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://urokirus.com/online/izuchenie/dal/21102-kos-kras.html>. – Дата доступа : 05.11.2019.
6. Как мыши kota хоронили. Сочинение В. Жуковского. Рисунки Г. Нарбут [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.raruss.ru/childrens-books/3721-narbut-zhukovsky-cat-mouthes.html>. – Дата доступа : 30.10.2019.
7. Лепешинский, П. Н. На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). Попутные впечатления участника революционной борьбы / П. Н. Лепешинский. – Петербург : Государственное издательство, 1922. – 237 с.
8. Андреев, О. Как мыши kota хоронили: Стих / О. Андреев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rustih.ru/oleg-andreev-kak-myshi-kota-xoronili>. – Дата доступа : 07.11.2019.

The origin of paremia “Cat’s mice are buried”, meaning ‘mock sadness’, is considered taking into account the symbolism of the eponymous popular print based on the common European tradition and reflecting the laughing culture of Russia of the 18th century. Examples of the text embodiment of a previously popular folklore motif are given.

Keywords: popular prints, cat, mice, parodies, laughter culture, functioning of paremia.

УДК 811.161.1’42:398.91:821.161.1-32*Б. В. Шергин

Н. И. Комкова

ПАРЕМИИ В РОЛИ ЗАГЛАВИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Б. В. ШЕРГИНА)

Статья посвящена изучению паремий, выступающих в качестве заголовков в рассказах Б. В. Шергина. Показано, как заголовки-паремии в прозе Б. В. Шергина позволяют доступным языком познакомить читательскую аудиторию с жизнью соотечественников-поморов, их бытом, морским промыслом как частью культурного наследия народов Севера.

Ключевые слова: язык поморов, паремиология, язык Б. В. Шергина, художественный текст.

Текст художественной литературы является памятником культуры: он запечатлевает писательский замысел, отражая социо-историко-культурный контекст (термин О. В. Ломакиной), представляя языковые личности героев.

Художественные произведения Б. В. Шергина отражают самобытную жизнь поморов, их быт, язык и культуру. Поморский язык – древнейший языковой носитель русского субэтноса, который отчасти лёг в основу современного русского языка. Поморский просторечный говор, несомненно, старше языка художественного текста. Беря за основу уникальность речи поморов, Б. В. Шергин описывал простой повседневный быт моряков, их жён и детей, рассказывал о народе, который знал и любил, являлся его частью. Вызывает интерес язык художественных произведений Б. В. Шергина, отличающийся самобытностью, включением элементов народной речи: диалектизм, фразеологизмов, паремий – не только узуального, но и окказионального характера.

Цель данной статьи – проанализировать роль паремий в качестве заглавий рассказов Б. В. Шергина.